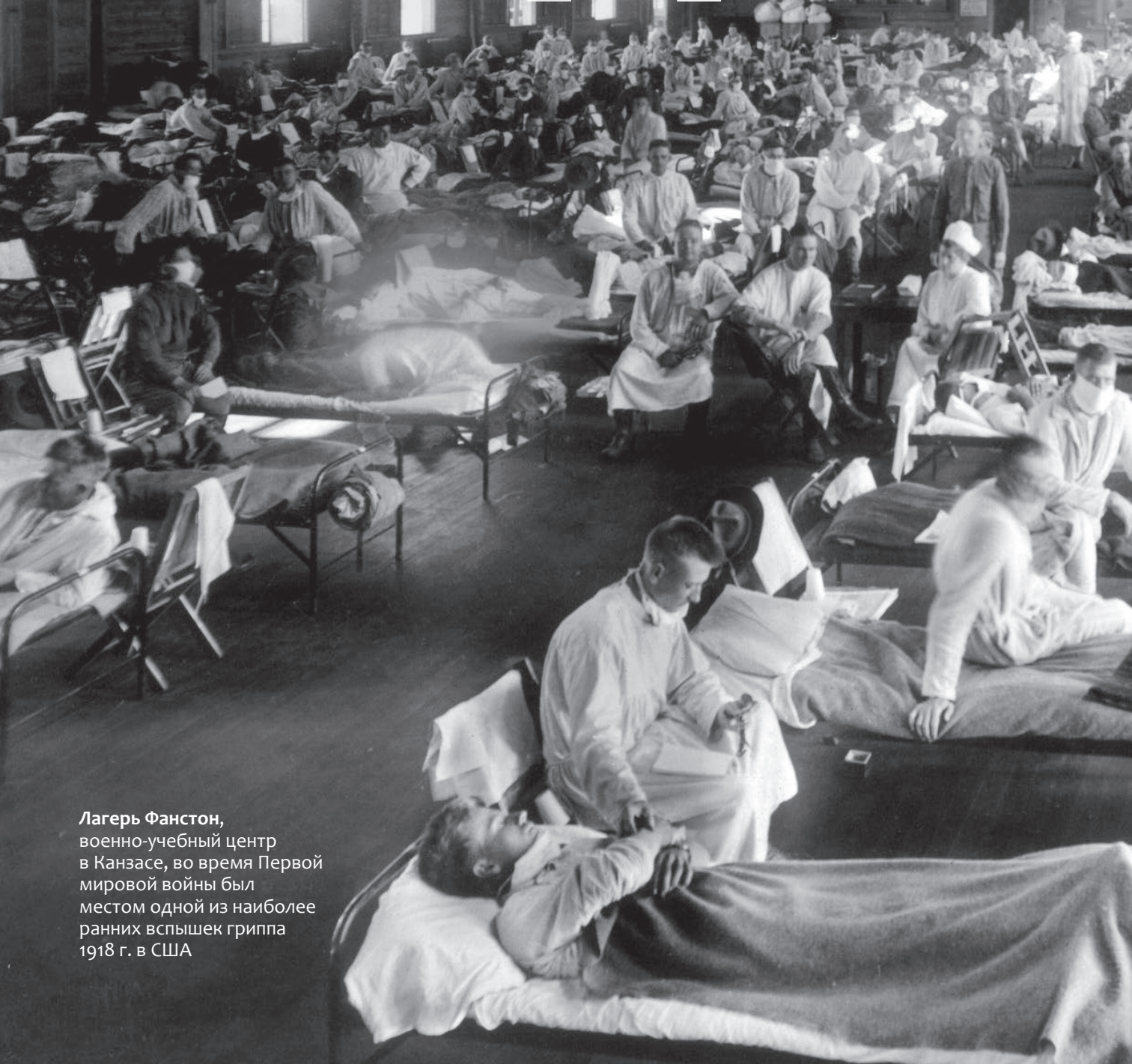

ЗА ПАНДЕМ

Лагерь Фанстон,
военно-учебный центр
в Канзасе, во время Первой
мировой войны был
местом одной из наиболее
ранних вспышек гриппа
1918 г. в США

БЫТАЯ ИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

Грипп 1918 г. убил миллионы людей, а затем общество о нем забыло. Может ли то же самое произойти с *COVID-19*?

Скотт Хершбергер

ОБ АВТОРЕ

Скотт Хершбергер (Scott Hershberger) в 2020 г. стал участником программы AAAS Mass Media Fellow и проходил стажировку в *Scientific American*.

В 1924 г. «Британская энциклопедия» выпустила двухтомную историю прошедшей части XX в. Более 80 авторов — профессоров и политиков, военных и ученых — внесли свой вклад в книгу «Эти бурные годы: двадцатое столетие в процессе формирования по рассказам многих из тех, кто его формировал» (*These Eventful Years: The Twentieth Century in the Making as Told by Many of Its Makers*). Однако ни на одной из 1,3 тыс. страниц книги нигде не упоминается ужасающая пандемия гриппа, которая за пять лет до этого унесла жизни 50–100 млн человек. Многие учебники по истории, вышедшие в последующие десятилетия, если вообще упоминают пандемию гриппа 1918–1919 гг., то в связи с обсуждением Первой мировой войны.

До недавнего времени общество плохо помнило эту пандемию. Людям, погибшим в обеих мировых войнах, посвящены памятники и дни национального траура. Музеи и кинофильмы рассказывают о гибели «Титаника» и о высадке на Луну. Но нет ничего подобного про грипп 1918 г. (который часто называют «испанкой» из-за ошибочного представления о его происхождении). В рассказах общества о своем прошлом это событие занимает непропорционально мало места.

Исчезновение столь серьезного бедствия из нашей коллективной памяти озадачило Гая Бейнера (Guy Weiner), историка из израильского Университета им. Давида Бен-Гуриона в Негеве. «Существует такая иллюзия, — рассказывает он: — мы считаем, что если событие имеет большое историческое значение, если оно затрагивает очень многих, влияет на судьбы целых стран, если от него умирают множество людей, то оно обязательно запомнится. На самом деле это работает совсем не так».

Бейнер 20 лет назад начал собирать книги о пандемии 1918 г. Долгое время они появлялись в незначительном количестве. Сейчас он с трудом успевает угнаться за идущим потоком. Он говорит: «В кабинете меня ожидают три высокие стопки [новинок]. Раньше эта тема интересовала лишь некоторых историков, а теперь грипп 1918 г. сравнивают с нынешней пандемией по уровню смертности, экономическим последствиям, эффективности

использования масок и поддержания социальной дистанции. Только в марте англоязычная страница про «испанку» в «Википедии» набрала более 8,2 млн просмотров, побив месячный рекорд 144 тыс. просмотров во время столетия пандемии.

Забвение и повторное открытие гриппа 1918 г. предоставляют возможности для изучения коллективной памяти и помогают предположить, как будущие поколения могут воспринимать нынешнюю пандемию.

Что такое коллективная память?

Коллективная память, первые исследования которой провел в начале XX в. Морис Хальбвак (Maurice Halbwachs), в последнее время вызывает большой интерес во всех социальных науках. Генри Редигер III (Henry L. Roediger III), психолог из Университета Вашингтона в Сент-Луисе, дал такое определение коллективной памяти: «то, что мы помним о себе как о части группы <...>, что формирует нашу идентичность». Он объясняет, что страны, политические партии, религиозные общины и спортивные болельщики сплетают из событий своего коллективного прошлого единую историю, которая усиливает самоидентификацию членов сообщества.

Для изучения коллективной памяти о хорошо известных исторических событиях исследователи часто используют открытые вопросы. Например, Редигер с несколькими коллегами, и в том

числе с Джеймсом Верчем (James Wertsch) из того же университета, просил американцев и русских назвать десять самых важных событий Второй мировой войны. Американцы чаще всего упоминали нападение на Перл-Харбор, атомную бомбардировку Японии и холокост. Большинство русских заостряли внимание на Сталинградской битве, Курской битве и блокаде Ленинграда. Единственным эпизодом, упомянутом в обоих списках, была высадка в Нормандии, которую в России называют «открытием второго фронта». Исследователи считают, что те моменты, которые жители каждой из стран упоминали особенно интенсивно, отражают интерпретацию события в этой стране, коллективное воспоминание народа о прошлом.

Такое исследование могло бы показать, что знают люди о гриппе 1918 г. «Насколько мне известно, этого никто не делал, — говорит Верч. — Если бы вы провели опрос, то ничего бы не получили». По его словам, даже при сравнении с COVID-19 мало кто может назвать важные подробности той пандемии гриппа. Верч поясняет, что коллективная память, по-видимому, сохраняет сюжеты с четкими началом, серединой и концом. «Если нужно выбрать один самый распространенный и самый природный когнитивный инструмент <...>, то это будет изложение события, — говорит он. — Не во всех человеческих культурах есть числа, не говоря уж о счете. Но во всех человеческих культурах рассказывают о произошедшем».

Для стран, участвовавших в Первой мировой войне, этот глобальный конфликт представлял собой четкую последовательность событий с множеством героев и злодеев, побед и поражений. Однако с таким невидимым врагом, как грипп 1918 г., ситуация была иной. Он возник непонятно откуда, атаковал несколькими волнами, убивая здоровых прежде людей, и исчез, так и оставшись непонятым. В то время ученые даже не знали, что этот грипп был вызван вирусом, а не бактерией. «Врачи ощущали стыд, — говорит Бейнер. — Это был огромный провал тогдашней медицины». Не имея подходящих свойств, чтобы закрепиться в форме рассказа, эта пандемия почти полностью исчезла из публичного дискурса вскоре после своего окончания.

В отличие от гриппа 1918 г. одновременно с COVID-19 не происходит крупномасштабной войны, которая в наших воспоминаниях могла бы конкурировать с пандемией. А научные знания о вирусах за прошедшее столетие значительно расширились. Тем не менее в некоторых аспектах не так уж много изменилось со времен той пандемии, пережитой нашими предками. «Даже если наш эксперимент с локдауном беспрецедентен по своим масштабам и строгости, мы думаем так же, как думали они [более ста лет назад], —

говорит Лора Спинни (Laura Spinney), автор книги «Бледный всадник: испанский грипп 1918 г. и как он изменил мир» (*Pale Rider: The Spanish Flu of 1918 and How It Changed the World*). — Пока у нас нет вакцины, наш основной способ защиты — поддержание социальной дистанции, и тогда это тоже был главный способ защиты». Нынешний спор о масках — тоже уже не первый: в 1919 г. около 2 тыс. человек участвовали в собрании Лиги антимасочников в Сан-Франциско.

Исследований влияния политического раскола в обществе на формирование коллективной памяти крайне мало. Редигер и Верч предполагают, что раскол повышает значимость воспоминаний человека о каком-то событии. Но Верч сомневается, что данный эффект повлияет на прочность коллективной памяти о нынешней пандемии. «Этот вирус нельзя назвать идеальным персонажем идеального сюжета», — говорит он.

Верч считает, что даже гонка при разработке и распространении вакцины вряд ли станет эффективным сюжетом. «Возможно, мы увидим появление ученого-героя, подобно Луи Пастеру в XIX в., — говорит он. — Однако надо отметить, что наши воспоминания будут именно о нем, а не о какой-то конкретной <...> эпидемии». Тем не менее независимо от того, закрепится COVID-19 в рассказах или нет, это заболевание окажется гораздо лучше задокументировано, чем пандемия, произошедшая 100 лет назад. Сможет ли подробное освещение в СМИ укрепить коллективную память?

СМИ и образы

Пока грипп 1918 г. еще свирепствовал, о нем много писали в газетах и журналах. Мэг Спратт (Meg Spratt), преподаватель коммуникации в Вашингтонском университете, говорит, что для освещения той пандемии в американской прессе часто использовался «биомилитаристский язык». Во многих статьях ситуация описывалась как битва людей (в основном представителей власти) с заболеванием. По словам Спратт, пресса того времени мало рассказывала о впечатлениях самих жертв и тех, кто выжил. При освещении событий внимание преимущественно уделялось специалистам и авторитетным лицам, и почти все они были белыми мужчинами. Кроме того, Спратт нашла доказательства, что Первая мировая война действительно затмила собой болезнь. «Когда осенью 1918 г. смертность от гриппа превысила смертность от войны, — пишет она в 2001 г. в статье на эту тему, — в *New York Times* об этом появилась небольшая заметка на одной из внутренних страниц газеты».

Спратт усматривает параллели между сообщениями в прессе о гриппе 1918 г. и о COVID-19. «Все еще уделяется особое внимание специалистам в области здравоохранения, пытающимся

предложить какую-то политику или рекомендацию для защиты людей, — рассказывает она. — Но сегодня, кажется, происходит более интенсивное освещение событий. Я думаю, это отчасти связано с использованием других технологий». Поскольку интернет и социальные сети позволили обычным людям публично рассказывать о своей жизни во время пандемии, «в итоге появился более богатый материал о том, что люди в действительности пережили», — отмечает Спратт. Таким образом, современные СМИ дают более полную картину нынешней пандемии, включая как непосредственные рассказы тех, кто боролся с пандемией, так и отчеты о расовых и социально-экономических различиях в воздействии *COVID-19*.

Фотографии тоже помогают в формировании коллективной памяти о *COVID-19*. Психологические исследования неизменно показывают, что наша зрительная память намного сильнее, чем запоминание слов или абстрактных идей. Именно поэтому, по словам Редигера, широко распространенные образы могут создавать опору для коллективной памяти. В истории полно таких известных изображений: американские войска водружают флаг над Иводзимой; башни-близнецы рушатся 11 сентября; Колин Каперник опускается на одно колено во время исполнения национального гимна. Однако «фотокамеры, как правило, остаются за дверьми больничной палаты, — говорит Спинни. — Мы обычно не заходим внутрь». Существует очень мало изображений, где показаны такие страшные симптомы, как посиневшее лицо и кровотечение из ушей, которые наблюдались у многих заболевших гриппом в 1918 г. Так и сейчас впечатляющие фотографии, которые могли бы способствовать укреплению коллективной памяти, редко попадают в современных новостях о переполненных больницах, нехватке СИЗ и высокой смертности в домах престарелых.

Однако даже если не возникнет никаких общеизвестных фотографий, люди будут помнить, как *COVID-19* повлиял на них и на их семьи. То же можно сказать и о гриппе 1918 г.: в 1974 г. историк Ричард Кольер (Richard Collier) опубликовал книгу, в которой собраны личные воспоминания более 1,7 тыс. человек со всего мира. Но коллективные воспоминания, как выяснили историки, то усиливаются, то ослабляются в соответствии с социальным контекстом времени.

Циклы воспоминания и забывания

2020 г. не был первым, когда вновь возникшая пандемия вызвала интерес к гриппу 1918 г. В XX в. было еще две пандемии гриппа, в 1957 и в 1968 гг. В обоих случаях «внезапно возвращалась память о Великом гриппе, — рассказывает Бейнер. — Люди начинали искать прецедент; начинали искать исцеление». Во время паники из-за птичьего

гриппа в 2005 г. и пандемии свиного гриппа в 2009 г. во всем мире резко увеличилось количество запросов в *Google* про «испанский грипп» (хотя в марте 2020 г. число таких запросов было еще выше). Все это время росло количество исторических исследований, которые детализировали историю гриппа 1918 г. и обеспечили основу для дальнейшего возрождения памяти о нем в обществе.

Бейнер думает, что нынешний кризис изменит воспоминания общества о пандемии 1918 г. Расположившись среди книг о том гриппе, он рассказывает: «Ни одна из них не стала знаменитым романом, книгой, которую все читают. Думаю, теперь это может измениться». Бейнер предсказывает, что *COVID-19* вдохновит на создание бестселлера или масштабного фильма, посвященного гриппу 1918 г. Такое культурное событие способствовало бы широкому обсуждению и усилило бы нынешнюю волну воспоминаний об этом событии в обществе. Бейнер ожидает, что в ближайшие десятилетия такие же «всплески и провалы в памяти» возникнут и про *COVID-19*. «Это будет непростая история», — говорит он.

Более сильная коллективная память о гриппе 1918 г. поможет создать условия, необходимые для поддержания в обществе воспоминаний о *COVID-19*, когда нынешняя пандемия закончится. Если появятся памятники, музеи или дни памяти, они также обеспечат социальную основу для продолжения обсуждения нынешнего кризиса. Нью-Йоркское историческое общество уже собирает предметы, связанные с *COVID-19*, для будущей выставки. «Я думаю, что на этот раз эпидемия повлияет сильнее, поскольку теперь мы понимаем, что публика не помнила об испанском гриппе 1918 г.», — говорит Жозе Собрал (José Sobral), социальный антрополог из Лиссабонского университета.

Верч в этом не уверен. «Через несколько лет, — говорит он, — мы, возможно, забудем об этом». Он предполагает, что отражение *COVID-19* в коллективной памяти зависит от того, как завершится пандемия коронавируса и будут ли после нее другие. «Только зная, чем все закончилось, — говорит Верч, — мы понимаем, что было в начале и в середине». ■

Перевод: М.С. Багоцкая

ИЗ НАШИХ АРХИВОВ

■ Рид Э., Таубенбергер Д., Фаннинг Т. Реконструкция вирусубийцы // *ВМН*, № 4, 2005.